

патичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной”.

В этом письме видно, как нелегко давался Достоевскому вопрос о вере, “через горнило сомнений прошла осанна”, как он сказал позже. Под “веком неверия и сомнения” понимается, возможно, не только XIX век, но и XVIII — век рационалистической философии. Интерес к логике, рассудочному доказательству был свойствен Достоевскому, большинство его героев, как, например, Раскольников, обязательно стараются подыскать убедительные аргументы, которые как-то оправдали бы и подтвердили их отношение к жизни. Раскольников, как мы знаем, пускается даже в арифметические подсчёты, “одна жизнь — и сто жизней взамен” — вспоминает он слова, случайно подслушанные в разговоре студента с офицером. Сам Достоевский, как видим, пишет здесь не столько о вере, сколько о “жажде верить”. Это напоминает слова Шатова из романа «Бесы». На вопрос, верит ли он в Бога, тот не может ответить положительно и говорит: “Я буду верить”, — как будто ставя перед собой цель, которой надо достичь.

Достоевский пишет в цитируемом письме о “доводах противных”, которым он противопоставляет не доводы в защиту веры, но именно “жажду”. Не доводы, а потребность в вере должна решить дилемму. Он говорит, что сложил для себя “символ веры”, но сложился этот символ в редкие минуты покоя и счастья, когда “я люблю и нахожу, что другими любим”. Сам этот символ не совсем обычен: ведь речь идёт не о Боге, а об Иисусе Христе, и аргументом служит мысль, что нет ничего “разумнее, мужественнее и совершеннее”.

Наконец, как понять страшное для верующего предположение: “Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа”? Конечно, это не противоречит самой идее веры: “Верую, потому что абсурдно”, — писал знаменитый богослов III века, но всё же “абсурдно” и “истина вне Христа” — не одно и то же. Так же, как не одно и то же преклонение перед личностью Христа и вера в триединого христианского Бога. В то же время даже самые глубокие и мучительные сомнения не противоречат истинной вере, абсолютная, без вопросов и сомнений вера даётся только подвижникам, близким к святости, так что сомнения Достоевского не могут ни подтвердить, ни опровергнуть его веры. Он же сам не раз признавался, что больше доверяет даже самому полному атеизму, чем равнодушию: “О, если

бы ты был холоден, или горяч! — цитировал он из Апокалипсиса. — Но, как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих”. “Главный вопрос <...> — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, существование Божие”.

После смерти жены Достоевский, глубоко потрясённый, оставил запись, начинающуюся со слов: “Маша лежит на столе, увижусь ли с Машей”. Запись сделана на второй день после смерти и буквально перед телом усопшей, в ней нет какого-то последовательного, ясного изложения взглядов, скорее — тревога и попытка понять случившееся. Достоевский приходит к мысли о необходимости веры в загробную жизнь, но в то же время — к убеждению, что эта жизнь невозможна в той форме, в которой мы живём здесь, в этом мире. Загробная жизнь будет, но увижусь ли я там с женой? Сложные размышления, в которых писатель, может быть, сам до конца не разобрался (вспомним, при каких обстоятельствах была сделана запись), ведут его к не менее сложным заключениям о том, что человек на земле стремится преодолеть свою человеческую природу, достичь идеала, а значит, перестать быть человеком, потому что идеал — это Христос, а человеческая натура противоречит такому идеалу (“человек стремится на земле к идеалу, противоположному его натуре”), этот идеал достижим только после смерти. “Живое, не умершее даже до самого достижения и отразившееся в окончательном идеале — должно ожить в жизнь окончательную, синтетическую, бесконечную. Мы будем — лица, не переставая сливаться со всем, не посягая и не женясь, и в различных разрядах <...> Всё себя тогда почувствует и познает навечно. Но как это будет, в какой форме, в какой природе, — человеку трудно и представить себе окончательно”. Достоевский был человеком с очень конкретным мышлением, для него важно как-то осязаемо, предметно представить себе и загробную жизнь, и Бога. Может быть, поэтому он и предпочитал говорить об Иисусе, а не о Боге-отце.

Достоевский соблюдал церковные обряды, следил за религиозным воспитанием детей, горячо и искренне молился, жена вспоминала, как не захотела подойти к мужу, чтобы не побеспокоить, когда отыскала его в глубине церкви молящимся в одиночестве, — настолько он был погружён в себя во время молитвы. Достоевский умер с Евангелием в руках, попросив жену погадать ему по этой книге, книга раскрылась на словах “не удерживай”.

После длительного пребывания за границей в текстах Достоевского начинает звучать критика неправославных христианских конфессий — ка-